

I доисторических эпох духотой и влажностью. Вторым существенным отличием было наличие людей. В Африке мне понравилось. Там было жарко, но сухо. И это приятно контрастировало с обычной для Нормальная такая экскурсия в дебри за дикими зверями — с толпами путающегося под ногами народу.

Третье — я был не один. И это тоже было что-то новенькое.

По всей видимости, Горин решил, что задачка «поймать и вывезти столько леопардов, сколько получится, — чем больше, тем лучше» для одного была сформулирована уж слишком... амбициозно, а потому снабдил меня напарником. Штатным сотрудником своего отдела, зоологом.

Олег, крепкий коротко стриженный парень, подошел и поздоровался на универсальном языке жестов. Которым мне со времен школьного курса пользоваться как-то не доводилось... На приветствие я ответил, а уже на следующую его «фразу» разве что руками развел. Олег повторил мой жест, скрестил руки на груди и нахмурился.

Тут мне стало совсем не по себе, я подумал: «Все, похоже, накрылся мой вояж!» — и обернулся к Стасу. Тот откровенно потешался.

Я перевел взгляд на улыбающегося от уха до уха Олега, он кивнул, движением фокусника извлек из кармана новенький сурдобрюз и передал его мне. Конечно, я знал, что такие штуки существуют и как они работают, в общих чертах, тоже, но никакого опыта в этом плане у меня не было. Поэтому я просто вскрыл упаковку, извлек обычную с виду горошину в почти прозрачной оболочке и заменил ею свой собственный блюз в левом ухе.

«Еще раз рад приветствовать вас, Сергей! — Голос прозвучал, казалось, прямо у меня в голове. — Меня зовут Олег, и мне приятно, что мы будем работать вместе».

— Просто проговори четко про себя то, что хочешь сказать, — шепнул мне Горин, и я последовал его совету.

«Взаимно. Наденюсь, сработаемся!»

Он ответил сразу же:

«А по-другому и быть не может!»

Тут в наш диалог вмешался Стас:

— Вижу, у вас все получается! Сергей, если что-то мы еще не обсудили — Олег в курсе всех деталей, леопарды полностью его проект.

Что ж, деталей, стоящих обсуждения, и вправду было предостаточно. Начиная с легенды и заканчивая планом, как именно нам за три недели — а именно столько выделялось на все — отловить тот максимум пятнистых кошек на территории, равной чуть ли не четвертой части африканского континента, который окажется нам доступен.

Руки в этом плане у нас были развязаны практически полностью: примерно через полгода после нашей вылазки случились тут вначале засуха, а потом крупная эпизоотия — то есть, простыми словами, мор среди

местной хищной фауны. Собственно, это и было тем фактором, который определил отрезок времени для нашей экспедиции — 1913 год.

Беспилотник, выпущенный на достаточном удалении от поселений, указывал на места обитания наших будущих подопечных и помогал с навигацией. Остальное вообще было делом техники: оптические прицелы, ампулы со снотворным делали свое дело, и дальше оставалось разве что доставить очередной груз к заранее оговоренной точке, где его подбирала вынырывающая в заданный срок темпор-капсула.

Конечно, кошек еще надо было выследить, подобраться незамеченными, попасть из пневмовинтовки, да аккуратно потом запаковать... ну а я зачем там понадобился, как не для всего этого?

К середине второй недели счет наших «трофеев» перевалил за два десятка, если вместе с котятками, и уже можно было считать нашу экспедицию более чем успешной. И все же время — и ресурсы — еще были, и нам хотелось большего.

Но за следующие пять дней, сместившись к северо-востоку, мы едва поймали троих взрослых леопардов, да и это стоило нам еще тех усилий. Ситуация изменилась, ощущение этого просто висело в воздухе пыльной завесой, шелестело песком в быстро пустеющих флягах, монотонно стучало копытами усталых лошадей.

Беспилотники взлетали и возвращались ни с чем, мы двигались дальше и запускали их опять — почти всегда с тем же результатом. А ведь еще севернее находились уже хорошо обжитые к тому времени территории, даже с железной дорогой — и наши шансы на успех немаломо падали.

Олег стал еще молчаливее, чем обычно, напряженно обшаривал глазами окрестности и просил меня держаться в зоне прямой видимости. Пара коротких фраз за день — вот и все, чем мы обходились. Впрочем, для меня, раньше вообще работавшего в одиночку, и этого было достаточно.

И все же наблюдение свое я озвучил: «Местность безлюдная, а зверья стало как будто меньше. И кажется, то, что есть, не жаждет попадаться нам не глаза».

«Вот именно. Похоже, мы с тобой попали в зону чужих охотничьих угодий...»

«И кто это может быть?»

«Кто? Да все те же, Сергей. Люди, больше никому. Нас просто опередили — так бывает. И было это не вчера».

Травянистая саванна сменилась холмами и редколесьем, такими отдельными группами невысоких деревьев с будто расплюснутыми кронами. Чаше стали

попадаться и поселения... В одно из них, закупившее обычных соломенно-глиняных стойбищ, мы и решили заглянуть.

«Информация. Повезет — узнаем что-нибудь о конкурентах».

А еще дадим отдых и пищу лошадям, да и сами переклочимся хоть ненадолго, глядишь, это и приманит к нам снова пугливую птицу-удачу...

Уже почти стемнело, когда меня окликнул наш хозяин, сообщив, что у нас посетитель. И действительно, в комнате появился высокий чернокожий человек, поклонился и заговорил быстро и по-французски.

Олег поморщился, это был верный признак, что перевод дается ему нелегко, но хоть какой-то текст я все-таки услышал.

«Его хозяин, мистер Грант, будет рад видеть нас у себя. А если бы он еще так не тараторил, то, возможно, удалось бы понять и что-нибудь еще».

«Ну так пойдем посмотрим, что за Грант такой».

«По крайней мере, есть надежда, что пойдем мы его лучше».

Идти далеко не пришлось, помещение, отведенное мистеру Гранту, обнаружилось в соседней же пристройке к длинному, как бы распластанному по каменистому грунту дому.

В комнате, куда мы вошли, был полумрак, разве что пара свечей горела на простом деревянном столе. Там были двое, один шагнул навстречу и обратился к нам — и опять на французском... Я, в который раз, обругал себя за то, что вопрос с языками спустил в свое время на тормозах — тем более что Олег явно не спешил ко мне на помощь.

«Стоит он неудачно, спиной к свету, я не вижу, что он говорит. Выкручивайся как-нибудь. Отвечай на английском, что ли...»

«Вернусь, надо будет попросить Женю и Алекса помочь с французским, чем не носители языка...»

И мне самому стало не по себе, ведь это было чуть ли не впервые за все время здесь, когда я подумал о них: настолько иным, вырванным из контекста привычной жизни было все вокруг... Запоздало я спохватился: «Олег, прости, я не...»

«Я понял! Произнеси уже что-нибудь!»

Сквозь зубы я выругался, и тут же раздался ответный возглас «мистера Гранта»:

— Так вы русские! Вот это удача! — И вместо протянутой уже руки он приблизился и сжал мои плечи, и я наконец смог рассмотреть его лицо.

И чем-чем, а удачей это было назвать сложно, только не эту встречу, которая ставила под сомнение всю нашу конспирацию. Потому что я слишком хорошо знал, кто он такой.

Африка, 1913 год. Местность, в те времена именуемая Абиссинией. Человек, называющий себя Грант... Интересно, немые умеют ругаться?

«Олег, это — Николай Гумилев».

«Подожди... что, тот самый?»

«Да».

«Сергей, не кипятись! На самом деле мы с тобой несколько отклонились в последние пару дней от маршрута... Держись легенды, говори ему как можно меньше».

Мы быстро нашли общий язык с новыми знакомыми. Путешественникам не так уж часто выпадает шанс встретить кого-то, с кем можно общаться так, как привык делать это на родине. И пусть по этому пункту наши возможности явно не совпадали, но удовольствие все-таки было обоюдным. Как и интерес — тоже, конечно, продиктованный разными причинами.

Нас... хотя, наверное, уместнее будет говорить от своего лица — меня в первую очередь интересовал сам Гумилев. Не каждый день случается видеть воочию историческую личность — и мой недавний опыт ничего здесь не меняет — да еще и поэта, чьи стихи в тинейджерскую пору оказались при всей моей любви к странствиям и приключениям так ко двору. Даже странно было, что, вылетев из гнезда, я направился не в Африку и вообще добрался до нее только теперь.

Гумилев был явно рад встрече: то, что его так тянуло в Абиссинию, не означает, что ему не было здесь жарко и скучно. Но было и другое — внимательный взгляд автора, воспринимающего нас как возможные новые типажи, изучающий и старающийся запомнить, сохранить в картотеке памяти в качестве чего-то, могущего пригодиться. Это не было нарочито, это не мешало — и все же я это почувствовал.

Как и он почувствовал, и довольно быстро, что я недоговариваю, стараюсь обходить стороной вопросы наших маршрутов, целей, сроков экспедиции... Понял, осознал — и проявил сдержанную деликатность, мягко, почти неуловимо изменив направление разговора, сместив акценты на впечатления и наблюдения за местной экзотикой. На каком-то этапе, помню, я хотел прямо попросить его не упоминать о нашей встрече в своих записях — пользуясь тем, что он разгадал нашу скрытность и видел нас, видимо, какими-то секретными агентами. Но потом передумал — понял, что он и так не станет этого делать.

Что касается информации, так и ее мы получили. В числе прочего Гумилев с помощником рассказали, что слышали о целом отряде «охотников», довольно большом и хорошо экипированном, чьей целью был сбор охотничьих трофеев в масштабах, наводящих на мысль об их коммерческом использовании.

«Браконьеры», — констатировал Олег и добавил пару выражений, с лихвой отвечавших на мой недавний вопрос.

— Мы было подумали, что вы как раз из этих, но потом увидели, что вас всего двое, — продолжал между тем Николай Степанович.

«Спроси, может, они слышали о целях охотников».

— Вам не приходилось слышать, кого именно они ищут?

— Точно не скажу. Вроде бы хищников, а еще крупных травоядных — слоны, носороги...

«Клыки, когти, бивни — обычный набор адептов китайской и индийской народной медицины». — Олег выругался снова.

«А я раньше думал, что ты вот внутренних диалогов не ведешь». — Я позволили себе чуть-чуть его подколоть.

«Да, сорри, я и вправду несколько потерял контроль».

«Ничего, рад убедиться, что ты человек, а не только воплощенная эффективность».

«Убедился? Давай говори с ними, я постараюсь встревать только по делу».

— А как насчет возможного направления их передвижений?

— А вот это вопрос самый интересный! И в каком-то смысле даже больной. Приходилось слышать, что люди эти не терпят, так сказать, любой конкуренции на облюбованной ими территории... Той самой, что интересуется и нас.

— Вы намерены пересмотреть свои планы?

— Напротив, есть намерение продолжить, разве что сделав паузу для упорядочения уже собранного. Но время, отведенное для нашей экспедиции, все же не безразмерно... — И он остановился, отдав мяч на мою сторону поля и ожидая ответной подачи.

— Как и для нашей. — Я принял и тут же вернул. — Что в таком случае мешает нам объединить усилия?

«Авантюрист!»

«Это говорит человек, с которым мы "несколько отклонились" от маршрута?»

— Ничего не мешает! — Вот теперь Гумилев улыбался в открытую, и видно было, как он еще, в сущности, молод.

Следы присутствия браконьеров мы обнаружили только на третий день пути. До этого — уже знакомая нам картина какого-то затаившегося опустошения и ничего больше.

И следы эти были свежими, даже очень.

Олег с застывшим лицом стоял над пятнами, еще не изуродованным стервятниками телом, и лучше бы мне не видеть больше его таким, каким он был в тот момент.

«Они даже шкуру не озаботились снять, им это, видите ли, не интересно. Зато срезали усы вместе с кожей на щеках и лапы передние, ради когтей...»

«Предпочитаю думать, что на тот момент он был уже мертв...»

«Он? Ошибаешься, это она». — Он присел, потрогал мертвого леопарда, затем поднялся и, сделав всем знак молчать, скрылся в зарослях росшего неподалеку кустарника.

— Сергей Алексеевич, — обратился ко мне Гумилев, — ваш друг — ученый, верно? Не знаю, при каких обстоятельствах он лишился речи, но и без слов понятно, что именно фауна является безраздельной сферой его интересов.

— Да, Олег — зоолог.

— Вот-вот, мне доводилось слышать это слово. Он очень близко принимает к сердцу нашу находку.

Сам он расстроенным не выглядел. Охотник, что с него возьмешь!

— Нет смысла отрицать. Собственно, изучение леопардов — основная цель нашего здесь пребывания. — Я проигнорировал его скептически изогнутую бровь и продолжил: — Видеть вместо сильного и красивого зверя кучку костей и шерсти невероятно тяжело для нас обоих... Нет ничего ценнее, чем жизнь.

Ничего больше сказать я не успел, потому что рядом с нами в как-то резко сгустившихся сумерках материализовался Олег, неся свою куртку на манер мешка и бережно поддерживая ее одной рукой под дно.

«Котята! Двое. Слабые, обезвоженные, но с хорошими шансами».

«Как ты умудрился их отыскать — на ощупь, что ли?»

«Ну, у меня свои способы. — Он опустил свой груз на землю и принялся осторожно развязывать концы куртки. — Ты думаешь, мое оборудование только и делает, что позволяет с тобой болтать? Нет, есть и другие фишки».

«Кто бы сомневался...»

«Давай-ка сюда поближе мой рюкзак».

Я подхватил рюкзак, отнес Олегу — как раз вовремя, потому что куртку он распутал, и теперь на ней и вправду сидели два съезженных комочка и тарачились на нас, не имея, похоже, сил даже шипеть.

«По паре поддерживающих инъекций, наверное, сделать стоит — и надо двигать с ними к капсуле».

Подошел и Гумилев, мы к тому времени как раз уже справились и спрятали отработанные шприцы. Присел, с интересом разглядывая котят.

— Сергей Алексеевич, могу я чем-то помочь?

Вместо ответа я протянул ему добытый из рюкзака мешок, и все вместе мы запихнули детенышей туда.

Олег поднял с земли куртку, встряхнул и надел снова. Я вопросительно смотрел на него, ожидая, пока он справится с пуговицами. На самом деле, план наших дальнейших действий был не так уж и очевиден.

Несмотря на то что мы уже давненько ничего не управляли, капсула продолжала появляться в назначенное время и в назначенном месте. Каждый ее выход смещался поближе к точке нашего предполагаемого местонахождения по заранее определенному примерному маршруту.

Тому самому, от которого мы отклонились. Не так уж и кардинально, но все-таки, и ближайший «выход» был далеко не в часе пути.

«Ехать придется очень быстро. Остальные не успеют».

«Мы не можем просто оставить их здесь, рядом с этой бандой».

«По всем данным, Гумилев благополучно вернулся из Африки».

«Но это было до того, как он связался с нами».

«Значит, один из нас поедет, а другой останется здесь. Поедешь ты, я мало чем смогу помочь, если котят понадобится помощь».

Гумилеву я рассказал, что есть некая ферма, за пределами Абиссинии, но не так уж и далеко отсюда, хозяин которой, наш знакомый, принимает найденных и даже иногда умудряется их выводить. Такой вот филиалтроп.

Он вернулся к обычной своей вежливой ненавязчивости и выслушал это все без возражений.

— А почему вы... — Он замолчал, угадав, каким может быть ответ. — Спасибо.

— Не за что, Николай Степанович. Давайте думать, как нам быть дальше.

Отклонение от плана — это как снежный ком. Раз возникнув, становится непредсказуемым, и ничего уже с этим не поделать. Тут уже нужно или все сворачивать, или делать вид, что никакого плана и не предполагалось.

Через пять часов до меня достучался Олег. Я почти этому не поверил — на таком-то расстоянии! — но это было правдой. Медленно, предельно коротко, явно с усилием, но он формулировал — а я его слышал.

«На месте. Капсула здесь. Очень слабые. Стас написал: мелочь больше не брать, с этими еле справляются».

Я попытался представить, как это может выглядеть. Получалось забавно.

«Уходи сейчас, сможешь. Улов и так невелик, чтоб кто-то не выжил...»

«Ты один».

«Я и раньше один. В худшей обстановке. Провожу до безопасного места и вернусь, через сутки-двое».

Мы еще раньше обсуждали, что из этой зоны нужно выбирать, и наметили маршрут до поселения, где у Гумилева были знакомства с местными властями поддерживающими. Которые могли не только обеспечить ему безопасность по дороге назад, но и заинтересоваться орудующей здесь шайкой.

«Хорошо. Осторожно здесь. Выход скорректирую, лови координаты...»

«Принято».

Через двое суток наша миссия и так заканчивалась, так что быть «одному» мне в любом случае оставалось недолго.

На рассвете следующего дня меня разбудил переводчик. И я сразу, едва открыв глаза, понял почему. Выстрелы. Одиночные и групповые. Далеко, едва слышно, но ошибиться невозможно. В том направлении, куда мы и держали, собственно, путь.

Мы догнали посланных вперед в качестве разведчиков ашкеров на берегу небольшой речушки, с пологим берегом и густыми зарослями каких-то кустарников. Тела лежали здесь же, на вытопанной проплешине возле воды. Еще теплые, с запекшейся кровью на многочисленных ранах и изуродованными остатками рогов. Я смотрел на это и слушал гулкую пустоту в своей голове.

Белый носорог. *Два белых северных носорога.*

Когда мы хватились, что вот-вот лишимся белых носорогов? В начале двадцать первого века, когда их на всю Африку осталось всего двенадцать? Или чуть раньше, когда и черные яванские остались без шансов? Свезли их вместе, огородили, приставили охранять людей с автоматами...

Рядом галдели чем-то недовольные абиссинцы. Пора было выходить из ступора, и я тронул за рукав Гумилева и вопросительно кивнул на них. Тот пошел расспрашивать переводчика и вскоре вернулся с объяснениями.

— Возмущаются, зачем столько выстрелов. Только шкуру зря испортили, рога спилили — и таковы! Расточительная смерть.

Расточительная смерть...

Я отвернулся, стараясь, чтобы было не видно мое лицо.

— Они говорят, что здесь было целое стадо, самки с детенышами. Подошли к водопою, а здесь была засада — какая низость все-таки! Кусты, толчея — положили двоих, остальные вроде ушли. — И он рукой указал направление.

Боковым зрением я заметил шевеление в зарослях справа. Сделал идущим позади знак остановиться

и осторожно пошел туда, потихоньку раздвигая ветви и будучи готовым в любой момент реагировать на выстрел или, все ведь может быть, бросок зверя... Кого сюда мог приманить запах свежей крови? Льва? Гиену?

Никто не собирался на меня бросаться, скрывавшиеся за перепутанными ветвями сами в любой момент ждали нападения. Точнее, только один, потому что второй лежал на боку, с перебитой лапой и только смотрел на меня маленькими ничего не выражающими глазами.

Были это детеныши убитых самок или их матери убежали, бросив их тут? А какая, в сущности, разница? Передо мной было два бесценных представителя исчезнувшего вида.

«Один, если и дальше стоять и ничего не делать».

Они даже не пытались бежать или сопротивляться, когда я приблизился, вытаскивая из кармана шприцы со снотворным, сразу две дозы.

Гумилев подошел, когда я уже обработал сквозную рану чуть выше коленного сустава и заканчивал бинтовать.

— Они спят, — сообщил я ему, не поднимая головы, — и я намерен забрать их с собой.

— Ваш друг-фермер, видимо, занятный человек... Надо будет как-нибудь его навестить. В этот раз уже вряд ли, но вот во время следующей экспедиции — непременно.

М-да, во время следующей экспедиции... 1913-й, уже через год в России будет не до этого. Так что, Николай Степанович, вернуться в Африку не получится...

— Каким образом вы намерены их перевезти?

А вот это был хороший вопрос! Даже если обоих погрузить на лошадь, мне самому придется идти пешком. И это если лошадь еще сможет тащить их двоих... На глаз я попытался прикинуть, сколько они могут весить. Точно побольше леопарда.

Только ближайшая точка выхода не так уж близко — и довольно скоро. Едва успеть проводить честную компанию — и рысью к капсуле. Переход пешком и с грузом в эту схему точно не вписывается.

— Насколько далеко эта ваша ферма?

Я ответил рассеянно, продолжая параллельно обдумывать ситуацию:

— Далеко, но аж туда ехать и не нужно... Олег должен был прислать мне навстречу транспорт, мы бы пересеклись вечером этого дня, после того, как простились с вами.

— Так вас будут ждать в условленном месте?

— Не совсем так. В условленном, но ждать не будут. Если я не приеду, randevu отменяется.

— Звучит довольно странно, не находите?

Что тут было сказать? Да и что было не странно во всем, что тут происходило?

Видимо, Гумилев, глядя на меня и покусывая губу, тоже так думал.

— Рандеву? То есть вы не планируете отбыть сразу вслед за этим?

Хороший вопрос. Главное, в точку и своевременный.

— Ситуация может сложиться по-разному.

Иногда стоит произнести вслух то, что непросто решить даже про себя, и становится легче.

Да, у меня форс-мажор. И в принципе, я могу здесь задержаться.

Картинка с добрым-добрым лицом шефа, конечно, сразу появилась перед глазами, но я решил, что смогу это как-нибудь пережить. Победителей не судят, где-то так.

Мой собеседник тем временем по-своему интерпретировал сказанное мной и кивнул каким-то своим мыслям. Наверное, его версия обо мне как о тайном агенте получила подкрепление. С другой стороны, что здесь было не так, по большому счету?

— Судя по всему, охотники ушли восточнее того места, куда направляемся мы. Следовательно, нам уже ничего не угрожает и вы без опасений можете проститься с нами прямо здесь. Я приму это с сожалением, но и пониманием. — Он помолчал, словно ожидая моей реакции. — Но, я так понимаю, во времени вы ограничены и вам очень хотелось бы успеть в срок. А это сложно сделать всего с одной лошадю.

На это нечего было возразить, и я кивнул, все еще не понимая, к чему он клонит.

— И намного проще, если, кроме лошади, у вас будет мул, а еще лучше два. — Он улыбался. — А потом вы вернетесь, и у нас будет возможность проститься по-настоящему, без спешки. Захотите — проводите нас до города. Захотите — поедете дальше своей дорогой... Как вам такое предложение?

Абиссинцы, галдя и поглядывая на меня с изумлением, а на спящих носорожков с опаской — чего только не взбредет в голову этим белым! — помогли мне завернуть их в специальную ткань и погрузить на мулов. Гумилев показал примерную карту местности, отметив на ней направление движения браконьеров и место, где предполагал расположиться лагерь, дожидаясь моего возвращения. После этого я отбыл.

Да, не быстро и контролируя поведение мулов, которые не то чтоб демонстрировали энтузиазм, но на место выхода капсулы я прибыл вовремя, даже с небольшим запасом. Как раз и «груз» начал потихоньку просыпаться, это было видно по тому, как изменился ритм дыхания и возникли пока еще нечастые подергивания мускулатуры. Что ж, там их получают вполне проснувшимися, так даже лучше.

Я сидел на камне, ждал капсулу и мысленно разглядывал карту, показанную мне перед отъездом. Надо было определяться с местом, куда направить капсулу в следующий раз. Уже окончательно. А поэтому и со сроком тоже.

Конечно, я сразу решил, что попрощаюсь с отрядом поближе к городу. После этого надо будет отойти, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. Не то чтоб на этот случай не было припасено технических решений, но все-таки хотелось сработать чисто.

На все — двое суток, не меньше.

С выбором места тоже трудностей не будет. На этой территории, богатой горами, реками и растительностью, пока что достаточно уединенных мест. Например, вот эта лощина... даже, скорее, неглубокое ущелье. В своей обычной работе я всегда воспринимал такие как подарки судьбы и использовал.

А еще я не верил, что судьба преподносит подарки просто так, без значения. И в совпадения — вспомнился разговор с Гориным в Одессе — тоже, не верил. Такое

удобное ущелье — и как раз там, куда побежали перепуганные носороги...

Я ж, вроде, собрался вернуться победителем?

Значит, на всякий случай, отправим-ка мы вместе с подарком записку — так, мол, и так, задерживаюсь... — а заодно попросим прислать капсулу побольше, да на всякий случай дважды, через двое суток, а потом еще через двое, с местом выхода в конце ущелья... примерные координаты такие-то, просьба уточнить... Подумав, я дописал еще и верхнюю точку фиксации для себя в качестве техусловий. Все как обычно, стандартный набор.

Закончил как раз вовремя: капсула появилась. Хорошо, что в них предусмотрены всякие полезные штуки, а то задача затащить внутрь двух уже брыкающихся носорогов, пусть и маленьких, была бы непростой. Плохо, что дополнительного оборудования «навынос» не предполагалось — две последние дозы транквилизатора заканчивали свой метаболизм прямо сейчас.

«По идее, тебе и не положено дополнительное оборудование. А положена тебе хорошая взбучка».

Ладно, прорвемся.

Продолжение следует.

